

На «Декларацию 1927 г.» последовала реакция и обновленческой церкви. Часть епископов и священников, большая часть мирян поддержали её и начали переходить в «тихоновскую церковь». Обновленческое руководство в своих публичных выступлениях и в церковной печати объявили «Декларацию» актом лицемерия. Александр Введенский, уже общепризнанный лидер обновленчества, выступая на пленуме обновленческого синода в ноябре 1927 г., заявил: «Я боюсь, что это только новая маскировка староцерковничества, новая перелицовка в советского льва, который в самом деле остаётся белогвардейским общипанным орлёнком» [5, с.308]. На декларацию Сергея отреагировали и белорусские обновленцы. Их Синод 2 сентября 1927 г. выпустил следующее воззвание: «Блюдите, да никтоже Вас прельстит». С этими словами предостережения Христова обращаем мы свой голос к Вам возлюбленным, ознакомившись с воззванием от 16/29 июля с.г., которое издал в 5 000 экземпляров Митрополит Сергей Старогородский для распространения среди верных чад родной нашей Православной Церкви. Ибо соблазнительно это послание. Оно уверяет верующих, что около митрополита Сергея, временно возглавившего Московскую Патриархию, и с несколькими епископами, приглашенными им по личному усмотрению, образовавшего новый Синод, можно и нужно объединиться всем православным... потому что он признаёт «удары», направленные в Советский Союз, ударами, направленными в Церковь Божию... потому что по признанию митрополита Сергея, теперь изменилось отношение власти, и Патриархия решительно и беспрерывно становится на путь лояльности. Эти мысли послания действительно уравнивают путь для объединения митрополита Сергея с верными чадами Православной Церкви, еще со времени Собора 1923 г. ставшими на путь безоговорочной действительной лояльности к Власти не из-за страха, а по совести, как учит нас апостол... Митрополит Сергей предупредил и всех епископов, всех пастырей и клирики живущих здесь в России, что им придется или преломить свои общественные взгляды и политические убеждения или устраниться временно от дел. Но этого всего еще слишком мало, чтоб можно было по совести поверить руководству кораблем церковным, человеку, который столько раз, как митрополит Сергей менял свои воззвания к церковному народу...» [4]. Реакция обновленцев как российских, так и белорусских на «Декларацию 1927 г.», как видно из документов, по большому счёту представляло попытку заверить советские власти в своей искренней лояльности и верности в отличие от лояльности «староцерковников».

Литература

1. «Обновленческий раскол» (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / Сост. И. В. Соловьев. М., 2002. С. 406–409.
2. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М. – Новосибирск, «Российская политическая энциклопедия». «Сибирский хронограф», 1997. – С. 164.
3. ГАРК Ф 540 оп. 1, № 25. л. 25.
4. ГАРК Ф. 540, оп. 1, №30.
5. Шишкин, А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола в Русской Православной церкви, А. А. Шишкин. – Казань, 1970. С. 339.
6. Кривонос, Ф. У Бога мертвых нет, Ф. Кривонос. – Мн., 2007. С. 66.
7. Цыпин, В. История русской православной церкви. Синодальный и новейший период 1700–2005 В. Цыпин. – М., 2012. С. 383.

ПРАКТИКА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ КАНЦЛЕРА Г. БРЮНИНГА (1930–1932 ГГ.)

О.Г. Субботин, БГПУ (Минск)

Отставка Г. Мюллера с поста канцлера в марте 1930 г. послужила отправной точкой режима внепарламентских чрезвычайных постановлений. Немецкое право охарактеризовало новый курс правительства как возврат к «подлинному смыслу конституции и замыслам ее создателей» [1, с. 40]. Генрих Брюнинг выдвинул лозунг «ответственной демократии» в противовес «ущербному парламентаризму», средством достижения которой назвал статью 48 Веймарской конституции (далее – ВК) [6, с. 399].

Ставка на чрезвычайное право в Германии была сделана вопреки мнению внутренне гетерогенного демократического парламентского большинства. При П. фон Гинденбурге кабинет превратился в «автономное представительство немецкой буржуазии», не желавшей ждать, пока близкая им по духу техника власти укоренится в рейхстаге, и в этом смысле статья 48 пришлась как нельзя кстати, позволяя «подменять парламентскую конституцию резервной президиальной конституцией». По существу, речь шла о реформе *contra constitutionem*, главным препятствием на пути которой была объявлена Пруссия, о чем красноречиво свидетельствовал предвыборный лозунг лидера НННП Альфреда Гугенберга: «Пруссия! Именно здесь и сейчас находится рычаг к устранению системы!» [12, с. 226].

После внеочередных парламентских выборов 1930 г., укрепивших позиции радикалов, рейхстаг окончательно утратил рычаги влияния на государственную политику, а правительство в силу непреодолимых разногласий между буржуазными партиями и социал-демократами попало в зависимость от

президента. По тактическим соображениям СДПГ поддержала коалицию меньшинства (Центр, БНП, ННП и НГП), не желая провоцировать роспуск рейхстага и вхождение во власть НСДАП. Следуя аргументации Рудольфа Брейтшейда, «частичное ограничение демократических и государственно-правовых форм при условии сохранения базовой субстанции оправдано, если речь идет о спасении демократии и республики» [5, s. 299, 306]. Социал-демократы практиковали «легалитско-этактистскую тактику обороны», защищая «партийные бастионы» в немецких землях на этапе кризиса экономики и парламентской системы [8, s. 64; 5, s. 307]. Это негативно сказывалось на политических амбициях СДПГ, вело к оттоку ее избирателей.

Чрезвычайное законодательство позволяло канцлеру действовать в известной степени автономно, и он не преминул воспользоваться этим. Мероприятия имперского правительства все чаще выходили за рамки экономических интересов государства и вторгались в плоскость принятия конституционно-политических решений, следствием чего явилось ослабление нормативной силы Веймарской конституции.

Своей главной задачей Брюнинг считал санацию бюджета. 29 сентября 1930 г. правительство одобрило программу Минфина, в основе которой лежала идея сокращения финансовой нагрузки на регионы и налогового бремени на производственный сектор. Рейх планировал упростить налоговое законодательство, унифицировать бюджетное право земель и коммун, обеспечить действенное участие государства в формировании «земельных касс» и увеличить свою долю в подоходном и корпоративном налогах. Стимулировать экономику предполагалось за счет снижения прямых налогов, а компенсировать субъёктам их финансовые потери – путем передач на места налогов на пиво, крепкий алкоголь и коммунальных квот в подоходном налоге. Таким образом, залогом бюджетной экономики на ближайшие три года становился прямой контроль за землями. Брюнинг не скрывал, что МЭК дает Германии шанс занять лидирующие позиции на мировом рынке, учитывая конъюнктуру и потенциал национальной экономики. Но это «станет возможным лишь в том случае, если будет обеспечено решение задач, которые мы отвоевали и еще намерены отвоевать у земель», – говорил канцлер [4, s. 175].

Очевидно, что практика чрезвычайного законодательства зарекомендовала себя как «способ превращения формы, смысла и структуры парламентско-демократического государства в авторитарное исполнительное государство» [7, s. 128, 133]. С помощью декретов «Об укреплении экономики и финансов» от 1 декабря 1930 г. и 5 июня 1931 г. федеральный центр усилил контроль за хозяйственной деятельностью земель и запустил самую комплексную со времени валютной стабилизации в 1923–1924 гг. реформу финансовой системы. Имперские министерства и ведомства получили возможность беспрепятственно расширять принадлежавшие им полномочия в обход парламентского контроля. Берлин все чаще прибегал к финансовым рычагам давления на субъекты. «Невольное присутствовало осознание того факта, что постановление Брюнинга юридически предвосхищали востребованные временем реформы», – пишет И. Штрэнге [10, s. 50]. Общество не просто смирилось с регулярным вторжением рейха в сферу ответственности земель, но и воспринимало его как действенный механизм преодоления кризиса. Сторонники же «органической реформы» видели в этом скрытое намерение имперской бюрократии осуществить насильственную централизацию. Де-факто канцлер считался с ее неизбежностью, де-юре не располагал достаточным арсеналом легальных средств, так как сама по себе практика чрезвычайных внепарламентских декретов не узаконивала «исполнительное право» федерального центра.

В конце 1931 г. правовую оценку фактам «злоупотребления» президентом статьей 48.2 ВК попытался дать Конституционный суд. Поводом для этого стали чрезвычайные декреты «Об устранинии финансовой, экономической и социальной нужды» от 26 июля 1930 г. и «О стабилизации бюджетов земель и коммун» от 24 августа 1931 г., с жалобами на которые обратились Экономическая фракция ландтага Саксонии, город Штрелиц, и парламентская фракция НННП Мекленбург-Штрелица [11]. Суд не смог установить нарушений со стороны главы государства и ответить на вопрос, могут ли органы власти, опирающиеся на президентские полномочия, служить источником федерального и регионального права. Спорным остался также пункт об объеме делегированных президентом полномочий. Большинство юристов, выступавших с унитарных позиций, оправдывало диктатуру неизбежностью и востребованностью антикризисных мероприятий. В этом смысле демократической и авторитарный унитаризм стояли не далеко друг от друга.

Столь же безуспешными оказались попытки рейхсрата установить контроль над чрезвычайным законотворчеством правительства. В 1931 г. Брюнинг существенно ограничил участие палаты в федеральной политике. Одновременно росло влияние имперской бюрократии, нарушавшее конституционно-правовой баланс союзной структуры. Берлин добивался замены делегированного управления прямым, стремился расширить полномочия в банковском и финансовом секторах, унифицировать административные системы. Экономическая политика земель, по словам Хепкера-Ашоффа, «раздражала» Брюнинга. Он намеревался поставить вопрос об оказании им финансовой помощи в зависимость от готовности «войти в рейх» [9, s. 481]. И поскольку у земель отсутствовал политический ресурс для борьбы с федеральным центром, они приняли новые правила игры и тем самым легитимировали дальнейшее вмешательство Берлина в сферу их правосубъектности.

«В объятиях диктатуры федерализм постепенно умирает от недостатка кислорода, – писал правовед Й. Хекель. – А почему бы и нет? Он же умирает абсолютно легально» [3, s. 358].

Большие надежды Брюнинг связывал с принятым по его инициативе 24 августа 1931 г. Дитрамсельским чрезвычайным постановлением, которое в целях экономии бюджетных средств позволяло правительству беспрепятственно вмешиваться в сферу региональных полномочий и осуществлять «псевдо-конституционные» преобразования. Канцлер причислял его к «важнейшим со времени принятия Веймарской конституции государственно-правовым реформам» [2, s. 372]. Формально постановление вписывалось в традицию германского федерализма, однако на практике олицетворяло стремление исполнительной власти к «холодной медиатизации» земель. Передача им абсолютной бюджетной ответственности в сочетании с отменой дотаций была призвана доказать экономическую несостоятельность регионов и сломить их сопротивление политике федерального центра.

Дитрамсельское постановление наделило рейх неограниченными полномочиями в сфере коммунального надзора и одновременно позволило землям эффективно бороться с финансовым произволом коммун, поэтому большинство из них воздержалось от открытых протестов. Причины такого поведения следует искать в прогрессирующем кризисе регионального парламентаризма, пользуясь которым 6 октября 1931 г. президент издал третий декрет «Об укреплении экономики и финансах и борьбе с политическими беспорядками».

Проводимая Берлином на протяжении 1930–1932 гг. политика вскрыла недостатки веймарской государственной системы, ограничивающей возможности легальных преобразований (статья 76 ВК). В силу неэффективности рейхстага многие чиновники, политики и юристы призывали за Берлином право на октроированную реформу с ее последующей общенародной легитимацией, поэтому рейх методично атаковал домены земель, черпая поддержку в среде широкой общественности, промышленников и профсоюзов. Используя диктаторские полномочия, президент Гинденбург обрел статус чрезвычайного законодателя, который, согласно учению Карла Шмитта, опирался в своих действиях на «основополагающие политические решения» Веймарской конституции и, следовательно, мог злоупотреблять ее нормами. За данным постулатом «крылась дифференциация между конституцией и конституционными законами» [3, s. 354]. С 1930 по 1932 г. глава государства издал более 100 чрезвычайных нормативных актов, большинство которых имело форму кодексов и носило долгосрочный характер. С их помощью рейх вмешивался не только в сферу законодательства земель (налоговая и аграрная политика, городское строительство, коммунальное право), но также регламентировал деятельность местной администрации и назначал имперских комиссаров.

Литература

1. Boldt, H. Die Stellung von Parlament und Parteien in der Weimarer Reichsverfassung. Verfassungstheorie und Verfassungswirklichkeit / H. Boldt // Demokratie in der Krise. Parteien im Verfassungssystem der Weimarer Republik; hrsg. Von E. Kolb und W. Mühlhausen. – München: R. Oldenbourg, 1997. – S. 19–58.
2. Brüning, H. Memoiren 1918–1934 / H. Brüning. – Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1970. – 721 S.
3. Holste, H. Der deutsche Bundesstaat im Wandel (1867–1933) / H. Holste. – Berlin: Duncker & Humblot, 2002. – 580 S.
4. Hömig, H. Brüning, Kanzler in der Krise der Republik. Eine Weimarer Biographie / H. Hömig. – Paderborn [u.a.]: F. Schöningh, 2000. – 876 S.
5. Kolb, E. Die sozialdemokratische Strategie in der Ära des Präsidialkabinetts Brüning – Strategie ohne Alternative? / E. Kolb // Umbrüche deutscher Geschichte: 1866/71, 1918/19, and 1929/33. – München: R. Oldenbourg, 1993. – S. 295–310.
6. Lau, D. Wahlkämpfe der Weimarer Republik. Propaganda und Programme der politischen Parteien bei den Wahlen zum Deutschen Reichstag von 1924 bis 1930 / D. Lau. – Marburg: Tectum, 2008. – 563 S.
7. Luthardt, W. Sozialdemokratische Verfassungstheorie in der Weimarer Republik / W. Luthardt. – Opladen: Westdt.-Verl., 1986. – 194 S.
8. Marcowitz R. Die Weimarer Republik 1929–1933 / R. Marcowitz. – Darmstadt: Wiss. Buchges., 2004. – 148 S.
9. Mommsen, H. Aufstieg und Untergang der Weimarer Republik / H. Mommsen; überarb. und aktual. Ausg. – Berlin: Ullstein, 1998. – 742 S.
10. Strenge, I. Machtübernahme 1933 – Alles auf legalem Weg? / I. Strenge. – Berlin: Duncker & Humblot, 2002. – 233 S.
11. Verordnung des Reichspräsidenten zur Sicherung der Haushalte von Ländern und Gemeinden, vom 24. August 1931 // RGBl. – 1931. – Nr. 58. – S. 453–459.
12. Vondenhoff, Ch. Hegemonie und Gleichgewicht im Bundesstaat. Preußen 1867–1933: Geschichte eines hegemoniales Gliedstaates / Ch. Vondehoff. – Aachen: Shaker, 2001. – 240 S.